

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ЛИРИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА

ТАТЬЯНА МИСНИКЕВИЧ

Тема национальной самоидентификации в произведениях Федора Сологуба неоднократно привлекала внимание исследователей¹. Лирика, проза, драматургия и публицистика писателя в контексте патриотического дискурса периода Первой мировой войны подробно рассмотрена в монографии Бена Хеллмана [Hellman], а также в статье Джейсона Меррилла [Merill]. В размышлениях Сологуба о судьбах России и Европы, о месте России в мире исследователи выявляют связь славянофильских воззрений писателя с его эстетическими взглядами и в качестве ключевой оппозиции его произведений военного времени выделяют противопоставление миролюбивой русской душе воинственной и агрессивной души Германии.

Однако в ряду идеологических построений Сологуба следует выделить еще один важный концепт, имеющий непосредственное отношение к теме «идеологической географии» западных окраин Российской империи. Данный концепт связан с восприятием писателем России как государства, занимающего пограничное положение между Востоком и Западом и, что особенно важно, не определившегося еще в своих приоритетах. Он неоднократно сформулирован Сологубом в его статьях военного времени. Так, в статье «Мировая громада» Сологуб пишет: «Хотя Россия и прожила уже тысячу лет, она все еще находится в пленительном периоде юношеского развития, и еще не твердо знает, что такое она, запад или восток» [Сологуб 1915], но в целом писатель все же склоняется к «ориентации» на Восток:

¹ См., например: [Вильчинский; Hellman; Григорьева; Merrill; Мисникевич].

Мы — не Запад, и никогда Западом не будем. Мы — Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока [Сологуб 1914: 107].

Тем не менее наступление войск Германии на западные окраины Российской империи заставляло «сориентироваться» именно на Европу и, прежде всего, на Польшу — извечную болевую точку внутренней и внешней политики Российской империи. Сологуб, наряду с другими русскими литераторами, включился в дискуссию об отношениях России и Польши. Начало дискуссии положило обращение верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам:

Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час Воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией. <...> Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части русский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении².

Польша в ситуации разразившегося европейского конфликта воспринималась как ближайший посредник между Россией и Европой. К примеру, П. Б. Струве отмечал:

В великой европейской войне 1914 года мы не только осуществляем союз с Англией и Францией, как выгодную политическую комбинацию. *Мы миримся* со всем культурным и свободолюбивым Западом, и миримся с ним прежде всего в лице Польши. <...> Панславизм, как пугало, исчез, но славянское призвание России воссияло, как признанная политическая и культурная миссия. Россия одержала великую нравственную победу [Струве: 1].

² См.: День. 1914. № 206. 2 августа. С. 1.

Соответственно, Польша воспринималась одновременно и как Запад, и как часть славянского мира (показательно высказывание И. А. Бунина: «Польский народ соединяет в себе драгоценные славянские черты с европейской культурой, и единение с ним для нас особенно ценно»³).

Первым откликом Сологуба в поддержку Польши стало стихотворение «Стансы Польше», написанное 12 августа 1914 г.:

Ты никогда не умирала, —	Не заслужили укоризны
Всегда пленительно жива,	Твои сыны перед тобой, —
Ты и в неволе сохраняла	Их каждый труд был для отчизны,
Твои державные права,	Над Вислой, как и над Невой.
Тебя напрасно хоронили, —	И ныне, в год великой битвы,
Себя сама ты сберегла,	Не шлю проклятия войне.
Противоставив грозной силе	С твоими и мои молитвы
Надежды, песни и дела.	Соединить отрадно мне.
Твоих поэтов, мать родная,	Не дли ее страданий дольше, —
Всегда умела ты беречь,	Молю небесного Отца, —
Восторгом сердца отвечая	Перемени великой Польше
На их пророческую речь.	На лавры терния венца

[Сологуб 1979: 396]⁴.

Эмоционально-стилевая окраска стихотворения, как и его ритмическая организация, позволяет соотнести представленный в нем образ Польши с образом России из одноименного стихотворения Блока («Опять, как в годы золотые...», 18 октября 1908 г.) [Блок: 173]. Ключевым и в образе Польши у Сологуба, и в образе России у Блока является «живое», жизнеутвер-

³ См.: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14430 (13 октября). С. 4.

⁴ Впервые: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14352 (4 сентября). С. 2; стихотворение вошло в книги стихов Сологуба «Война» (Пг.: Изд-е журнала «Отечество», 1915. С. 22) и «Алый мак» (М., 1917. С. 202), а также в сборники «Война в русской поэзии. Стихотворения выбраны Анс. Чеботаревской. Предисл. Федора Сологуба» (Пг., 1915. С. 72), «Современная война в русской поэзии. <Вып. 1>: На помощь Польше» (Пг., 1915. С. 28), «Военные стихи современных русских поэтов» (Пг., 1917. С. 7).

ждающее, самодостаточное начало («Ты никогда не умирала»; «Себя сама ты сберегла»; «Надежды, песни и дела» — Сологуб; «Не пропадешь, не сгинешь ты»; «А ты все та же <...>»; «И невозможное возможно» — Блок). В этом плане «Стансы Польше» полемичны по отношению к стихотворению Брюсова «Польше» (1 августа 1914 г.). У Брюсова Россия, подобно Христу, воскрешает Лазаря — умершую Польшу: «Ты, бывший мертвым в этом мире, / Но тайно памятный Судьбе, / Ты — званый гость на нашем пире, / И первый наш привет — тебе!»⁵. «Живая» Польша у Сологуба — это, прежде всего, страна с мистически настроенной, иррациональной славянской душой. Славянскому миру Сологуб противопоставляет «мертвую» рациональную Германию. В стихотворении «Дух Берлина» Сологуб так характеризует ее:

О, мещанская страна!
 Все, что совершается тобою, —
 Труд, наука, мир, война,
 Уж давно осуждено судьбою.

<...>

То, что было блеск ума,
 Облеклося тусклою рутиной,
 И Германия сама

Стала колоссальной машиной [Сологуб 1915а: 16]⁶.

Столкновению Польши с «колоссальной машиной» «тевтонов» посвящено стихотворение Сологуба «Братьям» («На милый край, где жизнь цвела...», 8 октября 1914 г.): 15 (28) сентября 1914 г. австро-венгерские войска начали наступление и в конце сентября переправились через Вислу, что привело к столкновению с русскими армиями и упорным боям под Ивангородом (русской крепостью на реке Висла) и Варшавой. Стихотворение написано от имени поляков, наблюдающих апокалипсические картины разрушения своей отчизны:

⁵ Впервые: Русские ведомости. 1914. № 181 (8 августа).

⁶ Впервые: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14540 (7 декабря). С. 2.

Как в день Последнего Суда,
Сверкал огонь, гремели громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши дома.

<...>

И кровь струилася, и вновь
Вставал угарный дым пожара,
И пеплом покрывала кровь
Родных и милых злая кара.

Надежду на спасение Польша видит в России:

Из милых мест нас гонит страх,
Но говорим мы нашим детям:
«Не бойтесь: в русских городах
Мы все друзей и братьев встретим» [Сологуб 1915а: 23]⁷.

«Стансы Польше», таким образом, можно рассмотреть и как рефлексии на тему «семейной вражды» славян, заданную стихотворением Пушкина «Клеветникам России» (1831) [Пушкин: III, 209–210]. С пушкинской традицией стихотворение связано и строфической, и ритмической организацией. Кроме того, у Пушкина, при всем его возмущении «кичливым ляхом», Польша также является членом славянской семьи, существование которой возможно только под эгидой России, и решение ее судьбы — внутреннее дело славян. Дилемма: «*Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, иль верный росс? / Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет?*» однозначно разрешается у Сологуба в пользу единения

⁷ Впервые: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14422 (9 октября). С. 3; стихотворение вошло в книгу стихов Сологуба «Алый мак» (Пг., 1917. С. 203), а также в сборники «Современная война в русской поэзии. <Вып. 1>: На помощь Польше» (Пг., 1915. С. 32, «Щит: Литературный сборник. Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. Изд. «Русского Общества для изучения еврейской жизни» (М., 1915. С. 208).

с Польшей и ее народом: «С твоими и мои молитвы / Соединить отрадно мне»⁸.

Для Пушкина был безусловен приоритет великодержавных интересов России. Он занимал крайне жесткую позицию по отношению к польскому восстанию. 1 июня 1831 г. он писал Вяземскому:

Но все-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств [Пушкин: X, 273].

Подобная позиция, как известно, вызвала возмущение в либеральных кругах.

Сологуб, как и Пушкин, поддерживает актуальную для своего времени общегосударственную позицию в отношении Польши: Россия, будучи славянской страной, должна защитить своего собрата от германского агрессора, угрожающего славянскому миру в целом. Однако для него также в первую очередь важно не «примирение» с Западом «в лице Польши», а защита собственных национальных интересов. Повторяя мысль Пушкина о своеобразии пути России, Сологуб писал в статье «Выбор ориентации»: «Довольно нам ориентировать-

⁸ Ответ на пушкинский вопрос «Славянские ль ручьи сольются в русском море?» Сологуб дает еще в одном стихотворении на военную тему — «Петроград Белграду» (23 января 1915; опубликовано: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 14630 (24 января). С. 3):

Чертог мы строим величавый,
Наш третий и последний Рим.
Мы в нем славянство новой славой
В союзе братском озарим.

Встречай торжественные зори
И вместе с братьями молись,
Чтобы в глубоком русском море
Все реки Славии слились.

ся на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное свое, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов» [Сологуб 1914: 107]. Неслучайно в контексте рассуждений Сологуба об исторической миссии России Пушкин выступает символом национальной самодостаточности, на которую посягает Запад в лице Германии. Так, в статье «Мира не будет» Сологуб отмечает:

С необычайной навязчивостью вливался немец в русскую душу. В «Отцах и детях» есть воистину проникновенная страница, где рассказывается, как юный, но уже наглый выученик нигилистической германской культуры заставляет своего отца читать девятое издание Бюхнеровской брошюры «Материя и сила». — Сегодня я сижу да читаю Пушкина... (рассказывал об этом казусе отец своему брату) <...> Вдруг Аркадий подходит ко мне и, молча, с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу и положил передо мною другую, немецкую... улыбнулся и ушел, и Пушкина унес [Сологуб 1914а: 2].

В этом смысле, по мнению Сологуба, Польша может преподать урок России: она бережно относится к своему национальному символу — Адаму Мицкевичу («*Твоих поэтов, мать родная, / Всегда умела ты беречь, / Восторгом сердца отвечая / На их пророческую речь*»)⁹. Более того, в духовном про-

⁹ Сопоставление Мицкевича и Пушкина происходит у Сологуба не впервые. Л. Пильд отметила, что на страницах романа имя Пушкина как реального исторического лица неоднократно соотнесено с фамилией польского поэта Мицкевича, а в эпизоде, где описывается, как Марта (полька по национальности) и Передонов едут в деревню, упоминание о Пушкине включено в контекст разговора героев о поведении поляков как российских подданных. По мнению Л. Пильд, в романе «Мелкий бес» присутствуют неочевидные отсылки к полемике конца 1890-х годов о роли и значении Пушкина и Мицкевича. Сологубу было важно показать, что он не считает Пушкина нетенденциозным художником, чистым «эстетом», свободным от интереса к насущно-политическим и прочим «приземленным» вопросам [Пильд: 306–321]. См. также

тивостоянии Германии Польша находится по сравнению с Россией в более сильной позиции именно как национальная окраина, пережившая утрату самостоятельности и находящаяся под гнетом: в 1815 г. Александр I подписал конституцию Царства Польского — части Варшавского герцогства, отошедшего к России после четвертого раздела Польши на Венском конгрессе 1814–1815 гг., но она была отменена после подавления Польского восстания 1830–1831 гг. Для Польши сохранение своего внутреннего достоинства стало естественной составляющей жизненного уклада: *«Себя сама ты сберегла / Ты и в неволе сохраняла / Твои державные права»*¹⁰. Россия же,

комментарии М. М. Павловой к роману «Мелкий бес» в издании [Сологуб 2004: 774–775].

¹⁰ Подтверждением того, что Сологуб воспринимал представителей западных окраин Российской империи как надежных и испытанных борцов против германского агрессора и своего рода посредников в примирении России с Западом служит его рассказ «Правда сердца», опубликованный практически одновременно со стихотворением «Стансы Польше» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14372 (14 сентября. С. 2), № 14374 (15 сентября). С. 2). Сюжет рассказа прост: в эстонском курортном местечке отдыхают дачники из России, в частности дочь морского офицера Лиза Старкина, в нее влюблены три молодых человека: два русских студента, Бубенчиков и Козовалов, и один местный житель — эстонец Пауль Сепп, к которому Лиза относится с иронией; начинается война, эстонец, в отличие от русских студентов, готов встать на защиту России, чем вызывает восхищение Лизы и ее обещание пойти за ним на фронт и стать его женой. Важно, какими чертами наделен эстонец Пауль Сепп — он чист душой, горд, независим, близок земле и в то же время тянется как к русской, так и к европейской культуре: «Паулю Сеппу было двадцать восемь лет. Он был красивый, высокий, сильный, широкоплечий, очень сдержанный человек, добродушный и немного мешковатый. У него были ясные голубые глаза и светлые волосы. Он не пил водки, не курил. Не знал никакого разврата. Кончил какое-то сельскохозяйственное училище. Много читал по-русски и по-немецки. Очень любил литературу и философию». Кроме того, он всем ходом истории подготовлен к противостоянию

как пишет Сологуб в статье «Мира не будет», должна еще вспомнить о своей самодостаточности:

Мы твердо веровали и продолжаем верить, что все действительно разумно, что все европейское лучше русского, что Германия — страна высокой культуры, что во всех обстоятельствах жизни следует по отношению к заграничным поступать так, чтобы нас не приняли, Боже упаси, за дикарей, питающихся сальными свечами, и во многом еще столь же прекрасном мы твердо уверены. Твердо, простосердечно и смиренно. Ибо Россия представляется нам в виде невежественного мужика, а Европа в виде Лауры за клавиром [Сологуб 1914а: 2].

Восстановление достоинства славянских народов, строительство общеславянского дома для Сологуба было связано, в частности, и с будущим русско-польских отношений, о котором он писал в анкете, инициированной газетой «Биржевые ведомости»:

Как бы сильны ни были взаимные недоверия, я думаю, что они погасятся тою мудростью, которую от нашего поколения зависит вложить в ходе событий. Россию и Польшу соединяет очень многое, так много острого и пламенного, — любви, ненависти в наших отношениях, — что уже эта сложность пережитых и творимых чувств рождает величие надежды. «Не можно отдать Варшавы», — многоосмысленные слова; не можно и потому, что славянский мир только единением и может победить германство. Славяне должны построить общий дом, создать союз племен и явить миру тот новый строй жизни, которым только и может быть оправдана наша борьба против капиталистически-воинственного пруссачества¹¹.

Германии. Про начавшуюся войну и миссию в ней представителей своего народа он говорит: «...если нас вызвали, мы будем воевать. И мы победим. Россия не может не победить», а немцев характеризует так: «Они все одинаковые — жестокие, хитрые, коварные». О рассказе «Правда сердца» и его драматической версии «Проводы» см. также: [Hellman: 119–121].

¹¹ См.: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14430 (13 октября). С. 4.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3.
- Вильчинский: *Вильчинский В. П.* Литература 1914–1917 годов // Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972. С. 228–276.
- Григорьева: *Григорьева Е.* Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник. Вып. XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Тарту, 2000. С. 120–131.
- Мисникевич: *Мисникевич Т. В.* Шуточная баллада Федора Сологуба // Судьбы литературы серебряного века и русского зарубежья: Сборник статей и материалов: (Памяти Л. А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб., 2010. С. 68–75.
- Пильд: *Пильд Л.* Пушкин в «Мелком бесе» Федора Сологуба // Пушкинские чтения в Тарту 2. Тарту, 2000. С. 306–321.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979.
- Сологуб 1914: *Сологуб Ф.* Выбор ориентации // Отечество. 1914. № 6.
- Сологуб 1914а: *Сологуб Ф.* Мира не будет // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14462 (30 октября).
- Сологуб 1915: *Сологуб Ф.* Мировая громада // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 14638 (28 января).
- Сологуб 1915а: *Сологуб Ф.* Война. Пг.: Изд-е журнала «Отечество», 1915.
- Сологуб 1979: *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1979.
- Сологуб 2004: *Сологуб Ф.* Мелкий бес. Л., 2004.
- Струве: *Струве П.* Славянское призвание России и Запад // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14374 (15 (28) сентября). С. 1.
- Hellman: *Hellman Ben.* Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918). Helsinki, 1995.
- Merrill: *Merrill Jason.* “East or West”: World War I as Apocalypse in Fedor Sologub’s War Poetry // The Silver Age of Russian Literature and Culture, 1881–1921. Vol. 3–4 (2000–2001). P. 105–125.